

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ИЮЛЬ-АВГУСТ 2024 г. ● № 7-8 (329-330)
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Ростислав ИЩЕНКО

Арест Дурова, оккупация Норвегии...

Правила боёв без правил

То, что Дурова арестовали не удивительно. Удивительно, что его долго не арестовывали. У него были проблемы с ФСБ, были проблемы с ЦРУ, «Телеграм» запрещён в Китае, Иран пока не запретил, но разговоры ведутся. Так что французские спецслужбы не первые, кто пытался получить доступ к конфиденциальной информации и наткнулся на принципиальную позицию Дурова. И не только его. Если верить ранее делавшимся заявлениям команды «Телеграма», то арест и гипотетическое осуждение Дурова не принесут французам ничего, кроме морального удовлетворения. Возможно, он потому и путешествовал по враждебному миру так беспечно, что считал себя в безопасности благодаря заранее принятым мерам, которые якобы исключали возможность получения контроля над «Телеграмом» при помощи захвата самого Дурова.

Не знаю, возможно ли технически резко осуществить смену всех известных ему кодов доступа и перепрошить всю информацию, которую из него могут выдавить (спецслужбы умеют заставить говорить любого), но если арест Дурова не обеспечит французам доступ к «Телеграму», то это не будет означать, что для самого Дурова всё закончится благополучно. Французы могут его больше не выпустить из тюрьмы никогда. Всегда можно придумать новое преступление и организовать новый срок.

Для самого «Телеграма», если он действительно может работать и без Дурова, не испытывая серьёзных проблем, арест будет проблемой только морального свойства: в беду попал друг и коллега, а для создавшего стандарт шифрования «Телеграм» Николая Дурова ещё и родной брат. С коммерческой же точки зрения Павел Дуров, страдающий во французской темнице, но свято хранящий тайны пользователей «Телеграм», – идеальная реклама.

Так что можно сказать, что Павла Дурова довело до беды стремление обезопасить «Телеграм» от посягательства спецслужб. Но это не совсем точно, точно будет уточнить: любых спецслужб.

Стремление обезопасить «Телеграм» даже в случае захвата Павла Дурова – тактика. Вытекает же она из стратегии постоянного нейтралитета. Дуров желал оставаться нейтральным в мире, погрузившемся в глобальное противостояние.

Если бы он принял предложение о сотрудничестве любой спецслужбы, она бы надёжно защитила его от своих коллег-конкурентов. Но нейтральный – значит ничей, а бывают эпохи, когда ничьим быть опаснее всего.

Нейтральная Бельгия была оккупирована в Первую и Вторую мировую войны. Причём если оккупация Бельгии в Первую мировую войну была германским ноу-хау, то перед началом Второй мировой войны считаться с бельгийским нейтралитетом не планировали ни немцы, ни союзники. Англичане и французы довели до сведения бельгийских властей, что их страна будет воевать независимо от своего желания. Более того, англо-французские войска собирались нарушить нейтралитет Бельгии и вступить на её территорию даже в том случае, если бельгийское правительство откажет им в таком разрешении.

Точно так же немцы оккупировали нейтральную Норвегию. Причём немецкие войска высаживались в норвежских

фьордах именно тогда, когда британский флот вышел в море для осуществления аналогичной десантной операции на побережье Норвегии. Англичане не знали о планах немцев, они просто хотели воспрепятствовать поставкам железной руды в Рейх из Швеции. Занятие Норвегии позволило бы им оказывать на Стокгольм не только дипломатическое, но и военное давление. В крайнем случае Лондон был готов и шведский нейтралитет нарушить.

Конечно, с точки зрения международного права всё это неправильно, но для того, чтобы международное право было на твоей стороне, надо выиграть войну. Во все века прав почему-то оказывался победитель. Соответственно, если чей-то нейтралитет мешает вам победить, то тем хуже для нейтралитета.

Напомню также, что к концу Второй мировой войны Объединённые нации (именно так именовала себя антигитлеровская коалиция) решили создать Организацию Объединённых Наций. При этом они сообщили всем, что вступить туда без проблем смогут только те страны, которые на момент капитуляции Германии будут находиться с ней в состоянии войны. Именно поэтому большая часть воевавших с Германией стран (кроме европейских колоний и доминионов) объявило ей войну в 1944-45 годах.

То есть Объединённые Нации при помощи политического давления заставили десяток-другой государств отказаться от политики нейтралитета даже не потому, что нуждались в их войсках (почти никто из них никакие войска в Европу не посылал), а для поднятия собственного престижа – «квесь цивилизованный мир на нашей стороне».

Это известная особенность как гражданских, так и международных конфликтов: стороны быстро радикализируются, не оставляя места разного рода стремящимся к нейтральности, отказывающимся от участия в конфликте умеренным. Их буквально заставляют либо выбрать сторону, либо погибнуть. При этом в каждом из уже сформировавшихся противостоящих блоков во внутривидовой конкуренции также побеждают наиболее радикальные силы.

Классический пример – революция 1917 года в России и последовавшая за ней Гражданская война. Когда всё начиналось в феврале 1917 года, ведущими были силы умеренные (октябристы, кадеты, трудовики). Поначалу даже меньшевики и эсеры казались слишком радикальными.

Находившиеся на крайнем правом фланге монархисты и националисты тоже особой популярности в массах не пользовались. Когда же в 1920-22 годах основные бои заканчивались, на левом фланге остались одни большевики, благополучно раздавившие своих социалистических (марксистских) и анархистских попутчиков, а на правом до последнего боролись монархисты Врангель (в Крыму) и Дитерихс (на Дальнем Востоке). В белом движении монархисты тоже к концу Гражданской войны поглотили всех «непредрежденных».

Националисты же в процессе радикализации создали в 1931 году в Харбине просуществовавшую до 1943 года Русскую фашистскую партию, установившую контакты с эмигрантскими и фашистскими организациями в 26 странах.

Современный мир находится в состоянии глобального конфликта, который можно с полным правом назвать Третьей мировой войной. Отличие от прошлых военных конфликтов заключается в том, что главные антагонисты: США и ЕС с одной стороны, Россия и Китай – с другой, сдерживаемые ядерными арсеналами, не ведут боевые действия друг против друга непосредственно. Пока не ведут...

(Окончание – стр.3)

Шедевры мозаики воинского храма в Кубинке

Хорошо помню, как несколько лет назад в соцсетях шли живописные дискуссии по поводу строившегося тогда храма Воскресения Христова в Кубинке. Много было критики – почему такой мрачный вид у храма, почему такой цвет выбрали, темный, зеленовато-защитный, почему звезды пятиконечные в этом соборе, и так далее, и вообще, разве это православный храм, это капище, где прославляют войну. Нечто подобное и сейчас можно прочесть в «википедии», например, что убранство собора в Кубинке является пропагандой русского милитаризма.

Когда же храм был завершён и освещён, я посетил его, и был потрясен увиденным. Потом год прошел, и я вновь отправился в Кубинку, попытавшись максимально спокойно рассмотреть все, и сделать себе на память снимки. Я уже тогда хотел писать этот очерк, и понимал, что для этого мне нужны будут фотографии. Зачем? Чтобы вернуть те чувства, которые я испытывал в храме, и суметь хотя бы отчасти передать их в словах. Иногда складывается так, что можешь все описать по памяти, но это не тот случай. И сейчас я работаю над очерком, поочередно открывая снимки, вглядываясь в них, вновь поражаясь ликам России, образам русских людей.

Огромное внутреннее пространство верхнего храма осенено сияющим многоцветием великопленных мозаик. Этот удивительный комплекс – творение большой группы художников во главе с Василием Нестеренко. Именно об этом мне хотелось бы рассказать подробно. Кроме того, я сознательно концентрируюсь на том, что мне кажется важнейшим в композициях убранства главного храма Вооруженных Сил России.

Симфония русской славы

Никита БРАГИН

Шедевры мозаики воинского храма в Кубинке

Это, конечно, батальные сцены, представляющие рубежные моменты нашей истории. Вот стремительное движение русской конницы под Полтавой, сверкание палашей, зеленые и красные цвета русской формы, знамена с черным двуглавым орлом, а на противоположной стороне композиции шведы в светло-синей форме уже показывают тыл, и не спасает положение яростный взмах руки шведского генерала, сражение проиграно. Мирно, спокойно смотрят на нас Богородица и Младенец – сражение выиграно...

А вот две конные группы перед страшным столкновением, слева русские гусары и уланы, справа французские кирасиры, и те, и другие в яростной решимости сходятся для смертельной схватки. Над ними в золотом сиянии икона Казанской Божией Матери, поддерживаемая двумя ангелами, и сияние это отражается в золотом шитье ментика ближнего к нам гусара, скачущего на врага и готовящего саблю для удара.

А каковы образы Севастополя! Бастион, фашины, жерла пушек, и люди, что смотрят на нас. Солдат поднимает Андреевский флаг над бастионом. Флотский офицер с саблей в одной руке и ружьем в другой что-то кричит, полуобернувшись назад, а к нему спешит священник с распростертыми руками, а за священником полочется на ветру хоругвь с Богородицей и Младенцем... На переднем плане сидит солдат без фуражки поддерживает раненого юношу, который правой рукой закрывает свою смертельную рану, а левой все еще сжимает рукоять сабли... Над ними Богоматерь со скреженными руками, сгорбно опустила взор свой, а в небо поднимаются дым и пламя, но расходятся перед её ликом.

Художники не побоялись включить в общую картину сюжет тяжкого поражения в русско-японской войне. Это бурующее море в фонтаных разрывах, два русских броненосца, один из них уже охвачен пожаром. Но на его мачте продолжает развеваться Андреевский флаг, а перед нами в сиянии Богородица Порт-Артурская с образом Спаса Нерукотворного. И вспоминается древнее изречение – мертвые сраму не имут! С этим перекликается мозаика, посвященная Первой мировой войне – солдаты и офицеры с надеждой смотрят на Богородицу с Младенцем в облачном сиянии.

Но дальше, дальше... Вот Москва осенью 1941 года, зенитки и пулеметы на крышах зданий, солдаты, вглядывающиеся в небо, а там, над золотыми куполами Кремля, над аэропортами, в солнечном озарении два ангела возносят икону Казанской Богоматери. А вот страшные, апокалиптические руины Сталинграда в дыму и пламени пожаров, что уже догорают, ибо нечemu больше гореть, а Богородица словно ступает по этим руинам и со светлой скорбью смотрит нам прямо в глаза. А потом – не менее страшные сталь и огонь Курской битвы, и Богородица Знамение утверждает нерушимую стойкость, оборачивая обе руки ладонями к нам, и вновь смотрит нам в глаза.

Все это многоцветие сияющее – то страшное, то триумфальное, но всегда неизменно прекрасное, обрамлено снизу, вдоль оснований стен собора, еще одним комплексом мозаик. На них нет Христа, Богородицы и святых, на них только люди. Русские люди. Это те, что всего ближе к нам по времени, те, кого мы даже видели и знали, кто в детстве, а кто и в юности, а иным посчастливилось и в среднем возрасте. Это солдаты Великой Отечественной.

Есть что-то проникновенное и замечательное в решении художников – поместить группы воинов в нижний ряд мозаик, близко к земле, той самой, что приняла в себя их кровь в 1941 году. Близко и к нам, нынешним, так близко, что они оказываются на нашем уровне, и фигуры, выполненные в человеческий рост, воспринимаются по-человечески просто.

В этой простоте вся сила художественного замысла. Не зигфриды, не шарлемани смотрят на нас, а обыкновенные люди, ставшие героями, когда потребовалось, и возвратившиеся в

свою обычную жизнь после великой победы. Это исконно русский взгляд на нашего солдата, со всей мощью проявившийся в литературе, от Льва Толстого до Александра Твердовского. И здесь можно видеть воплощение такого взгляда в изобразительном искусстве, воплощение совершенно самостоятельное, уникальное ясностью замысла и чистотой помысла.

Хочется, по возможности, рассказать о людях на этих мозаиках, рассказать как можно больше. Вот в центре композиции, посвященной 1941 году, солдат, уже немолодой, смотрит, прищурившись, стоит в свободной позе, а на груди его медаль «За отвагу» с маленькой прямоугольной колодкой старого образца. Такую мой двоюродный дед получил за Халхин-Гол. Редко в том трагическом году награждали этой медалью, видимо, немалый подвиг этот солдат совершил. А за его правым плечом генерал, напряженно думая, что-то записывает на листке бумаги, положив этот лист на планшетку. Рядом – мальчишка с автоматом и гранатой...

1942 год. Мощные фигуры двух летчиков, один из них с двумя орденами Красного Знамени, рядом девушка в комбинезоне и с парашютом за спиной, коротко остриженные светлорусые волосы и навеки юное лицо. Справа моряки, лихие, отчаянные, грудь в пулеметных лентах, а перед ними юнга с медалью на груди. 1943 – казаки, и с ними мальчик в кубанке, застенчиво улыбающийся, ребенок еще, держит за узду боевого коня... 1944 – офицер, худой, с горстями глазами на осунувшемся лице, смотрит поверх нас вдаль, на запад, на врага. 1945, победный, двое солдат со знаменем Победы стоят на поверженном германском орле, и тут же эпизод парада Победы, вражеские знамена и знак дивизии СС «Лейбштандарт» в руках победителей, а там и японские бело-красные флаги. Вся война проходит в памяти, страшная, незабываемая.

(Окончание – стр.3)

Николай Фёдорович Иванов – крупный, масштабный русский писатель и общественный деятель, автор более 30 книг прозы и драматургии. Каждое его произведение значимо в нашей литературе. Каждая книга обладает целостностью, стройностью композиции, богатством и выразительностью языка и опирается на личный жизненный опыт автора. Ведь Николай Иванов в качестве военного журналиста и писателя побывал в разные годы в Чечне, в Цхинвале, в Крыму, на Донбассе, в Сирии...

Возглавлял он и журнал «Советский воин», куда, словно ручейки в море, стекались невздуманные истории русских воинов; позже – газету «Налоговая полиция», что даёт Николаю Фёдоровичу глубокое понимание экономической подноготной современной жизни. Словом, это не только талантливый искусный рассказчик, но и рассказчик, которому – даже с чисто житейской точки зрения – есть что рассказать.

Взрастил Николая Иванова и все особенности его британно-острого слова тот самый хрестоматийный «суровый брянский лес» из песни, который из века в век встречает на Руси захватчиков партизанской войны, по Льву Толстому – «дубинной народной войной».

Позже уроженец Брянщины, впитавший в себя всю её земляную, лесистую и строгую истину, Николай Иванов за бесстрашное распространение правды о гибридной войне Запада против русского народа подвергнется санкциям Евросоюза. Что не только его красит, но и определённой красотой «красит» и хваленую свободу слова в этом самом Евросоюзе (не к ночи будь помянут!).

Будущий флагман русских писателей, Николай Иванов родился 8 июня 1956 года в селе Страчово Суземского района Брянской области, что на самой границе с «логовом змиевым», Украиной, её Сумской областью («Логовом змиевым» провидчески обозначил сие место ещё Николай Гумилёв: «Из логова змиева, / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью...»).

Непросто была жизнь четвёртого ребёнка в послевоенной сельской семье, однако труд-

Память рек и перекличка фамилий

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)

О двух романах Николая Иванова

ности только закаляли характер и оттачивали будущий талант.

Из небольшого количества книг Николая Иванова (через их начата томиком «Солдаты мира» в 1985 году) важно остановиться на его относительно недавних и относительно новых романах: «Реки помнят свои берега» и «Суворовец Воевода – боец Республики».

Роман «Реки помнят свои берега» – ураганное, стремительное, как поток на перекатах, грозовое повествование о жизни одной семьи, которая переживает самые страшные и тяжкие моменты отечественной истории.

Казалось бы, временной охват романа – небольшой: 1991-1993 годы: «бывали хуже времена, но не было подлей» (Н.Некрасов). Я сам одержим этой эпохой, её «фобосом и деймосом», много пишу о страшном переломе мировой судьбы, плесневелым лишаишком на острые грани которой выросли уродливые контуры Горбачёва, Ельцина, и «прочая, прочая, прочая»...

Как говорится – «и треснул мир напополам». Или – просто треснул. Президент России Путин назвал распад Советского Союза «величайшей геополитической трагедией XX века». Я назвал так вполне осмысленно, несмотря на то что XX век, напомним, – включил в себя немало иных потрясений, революций, перекроенных границ, и две мировых войны. И это не считая более «мелких» конфликтов, участникам отнюдь не казавшихся «мелкими»...

Миропорядок не просто менялся в 1991-93 годах, он рухнул. Николай Иванов, как и все мы, – пропускает это через сердце, переживает это остро и болезненно. У него особая задача – показать события в избранном им однажды и навсегда жанре, в котором он достиг небывалых высот выразительности: в жанре военно-патриотической художественной литературы.

А это очень сложный, может быть, наиболее сложный жанр, если делать, как Иванов, подлинно-художественное полотно, а не платанную агитку. Военно-патриотическая проза всегда скользит

по лезвию бритвы между Сциллой и Харибдой, между двумя погibelями для искусства.

Поговорим сначала о «Сцилле»: для любого военно-патриотического романа, для всякого автора, который об этом пишет, всегда есть опасность поддаться тему браурно и мажорно, шапкозакладельски, не отразив истинные ужасы войны или острой человеческого конфликта. Есть опасность для художника стать апологетом войны. Именно на этот счёт предостерегала поэтесса Юлия Друнина:

*Я только раз видела рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Как, оставаясь патриотом, не снискать золотого эталона, не скатиться в ура-патриотизм и ретуширование ужаса кровавого действия? Многие не только не могут этого, но и не хотят: мол, если мы хотим воспитать патриотов, то зачем же их загугливать правдой жизни?

Ох уж эта правда жизни! Обогнули мы Сциллу – шапкозакладательский ура-патриотизм, лакированную браурность паркетных шаркунов в парадных мундирах, заменяющих запах пороха ароматом роз, – тут-то нас и поджидает Харибда...

А Харибда пострашение Сциллы (хоть, впрочем, обе плохи). Увлечённые «правдой жизни», её смакованием, увлечённые «художественностью» батальные художники рискуют свалиться в пнистый пацифизм. И объясняя, как страшна война, – вырастить из читателя капитуланта, «бравого солдата Швейка». Того, кто готов лечь под любого оккупанта – лишь бы не пахло порохом, потому что из мужчины такая превратная «правда жизни» делает безвольную тряпку. Мы понимаем, что война ужасна, но нужно рассказать правду о ней таким образом, чтобы не воспитать запуганного зайца, вольно състь (что, кстати сказать, является мечтой либералов-западников).

И вот в этом узком коридоре очень важно мастерство Николая Иванова, который, может быть, один из почти всех нынешних писателей, или, по крайней мере, один из очень немногих, умеет про-

вести читателя узкой тропой между хвастовством шапкозакладательства и пацифистской, позорящей мужчин, трусостью.

В этом прозе Николая Иванова помогают два обстоятельства: личное и очень близкое знакомство его, как боевого офицера, с войной, у которой «не женское лицо», и мужество настоящего солдата. А солдатам нужно состояние, на первый взгляд кажущееся неразрешимым парадоксом: бояться смерти, но не испугаться её.

Скажут: ну как так можно?! Или уж ты не боись, или ты испуган. Проза Николая Иванова бесценна в разъяснении того, как естественный и полезный, бережный человеческий страх – не перерастает в панический убийственный ужас.

Военно-патриотическая проза Иванова выдержана в очень строгих, «золотых» пропорциях между романтизмом и реализмом, когда и того и другого – вровень и в меру. Например, действие романа «Реки помнят свои берега» начинается в Колумбии, где выполнявший задание офицер ГРУ Егор Буерашин попадает в плен. Имя в традициях русской литературы: говорящее. Буерашин – отчётливо несёт в себе корнесловичу «буерака», тех буераков истории, через которые отважно, но и осторожно пробирается столь романтично вначале поданный (всё же Латинская Америка!) герой.

Фамилия Буерашина – как бы диалектическая антигега к другой говорящей фамилии из другого романа – «Суворовец Воевода – боец республики». Даже не «Воеводин», а именно Воевода, в фамилии отчётливо пропечатана миссия и судьба суворовца. Того, кому, в силу возраста и способностей, продолжать путь страны после буераков, мучительно и трагически пройденных Буерашиным. Два разных романа о разных людях и событиях, но авторская логика идёт через них нитью Ариадны.

В судьбе Буерашина огненными рубцами ложатся Москва, Ленинград, посещение Бреста, Брянщины, путаница ситийный земных, а под итог романа (не жизни!) автор приведёт его в

родную брянскую деревню. И Буерашин станет очень символически разгребать пепелище родного дома, чтобы построить новый. И мы понимаем прозрачность символа: не только новые дома нужно строить преодолевшим буераки Буерашиным средних лет, и военным, и штатским! Прежнее тоже из пепла поднять нужно – иначе превратится традиция...

Герой на фоне меняющейся действительности – это и есть главная тема романа. Широкими мазками мастерски созданное полотно произведения – возрождает традиции русской патриотической литературы XIX века, в которой подвиги военного человека и мужество гражданина в отстаивании человеческого достоинства были неразделимы. Роман «Реки помнят свои берега» – включает в себя произительные, не отблевшие ещё для наших современников описания социально-исторической и бытовой жизни ломающейся, демонтируемой силами зла России, сложную структуру и множество персонажей. Несомненно и присутствие некоторых новеллистических черт – самодостаточные малые истории судеб, вкрапленные в ткань общего повествования.

Николай Иванов действует методом, можно сказать, попеременного «приближения и удаления» «оптики» читательского взгляда. То он фокусирует внимание на проблемах персонажей, на их опыте личной, бытовой обыденности и стремлениях к лучшей жизни (необходимый для патриотической прозы элемент бытования, очеловечивающий героев, без этого выглядывающих бы плакатно). А то раскрывает самые мрачные углы историсофии планетарного масштаба, и здесь являет себя как реалист исторической темы.

Результатом оказывается уже отмеченный эффект: сочетание реалистических традиций с романтическими, на фоне выразительных, достоверных психологических образов.

Одной из заметных композиционных особенностей романа Николая Иванова является то, что он объединяет персонажей из трех миров в одну реальность. Вымышленные персонажи взаимодействуют с реальными историческими фигурами. Малый мир бытового быта оказывается в столкновении с миром дум и стремлений народной интеллигенции, и с политической верхушкой.

(Окончание – стр.4-5)